

МОСКВА, М. В. ИСАКОВСКОМУ

ОРОГОЙ
Михаил Васильевич!

ДЛЯ МЕНЯ, КАЖУЩАЯСЯ ПОДЧАС ЧУТЬ ЛИ НЕ БЕЗЫМЯННОЙ, РОДИВШЕЙСЯ САМА СОБОЙ, КАК ВЗДОХ ГРУДИ НАРОДНОЙ, ПРИВОДИТ НА ПАМЯТЬ МНОЖЕСТВО ВОСПОМИНАНИЙ.

У одних они связаны с собственной деревенской юностью, с бурной порой огромных перемен, совершавшихся на сельских просторах России. Как бы от имени этих многочисленных читателей говорит не так давно вышедшая книжка Александра Твардовского, посвященная Вашему творчеству, и я не стану повторять того, что там сказано.

Для других же, например для моего поколения, Вы открылись по-настоящему в военную пору.

Ну, конечно же, и мы поддавались лукавому очарованию «Любушки» и «Катюши», были среди тех, кто заставлял певцов повторять на бис песни про гармонь — золотые планки и про «два загадочных письма», посланных робким влюбленным.

Но вот лето сорок первого года. Кто из нас уже в солдатской шинели, кто роет противотанковые рвы на Вашей родной Смоленщине, у Десны, все еще не веря, что война перемахнет через эти преграды и, как нож, глубоко войдет в тело нашей страны, зальет кровью и обуглит те самые деревни, по которым мы проходим, распевая: «Дан приказ: ему — на запад, ей — в другую сторону...»

И, право, еще мало кто из нас понимает тогда суровую прямоту этого напутствия:

... Я желаю всей душой —
Если смерти, то мгновенной,
Если раны — небольшой.

Мало кто понимает, что это уже поется не о комсомольцах гражданской войны, а о нас самих.

И вот летом и осенью 1943 года мы возвращаемся почти по тем же дорогам. Позади не только сотни километров и вражьи окопы. Позади и горечь утрат, и гордость первых побед.

А Ваши стихи и песни не только по-прежнему идут вместе с нами по раскисшим от дождей смоленским дорогам, но сделались бесконечно дороже, понятнее, ближе.

Сколько раз мы их слушали и пели сами...

С берез — неслышен, невесом —
Слетает желтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.
Вздыхают, жалуясь, басы,
И, словно в забытии,
Сидят и слушают бойцы —
Товарищи мои.

Я не знаю, что драгоценнее в этих стихах.

Может, то, что «каждый слушал и молчал о чем-то дорогом».

Это благоговейное, целомудренное молчание, нежелание помянуть все драгоценнейшие имена — как оно правдиво и близко духу народа!

А может, горькая удаль солдатской шутки:

А коль придется в землю лечь,
Так это ж только раз.

Я помню, как эту песню пели раненые в Камышинском госпитале, когда по улицам мела уже мирная, теплая тополиная метель.

Война кончилась, но никак не хотела уходить из людской памяти.

Да что — из памяти! Она тащилась по пятам за возвращающимися домой, подстерегала их у развалин, пепелищ и могил тех, о встрече с которыми так мечталось.

И низкий-низкий поклон Вам, Михаил Васильевич, за то, что Вы дали израненным душам откровенно и бурно выплакаться на груди у своей песни!

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

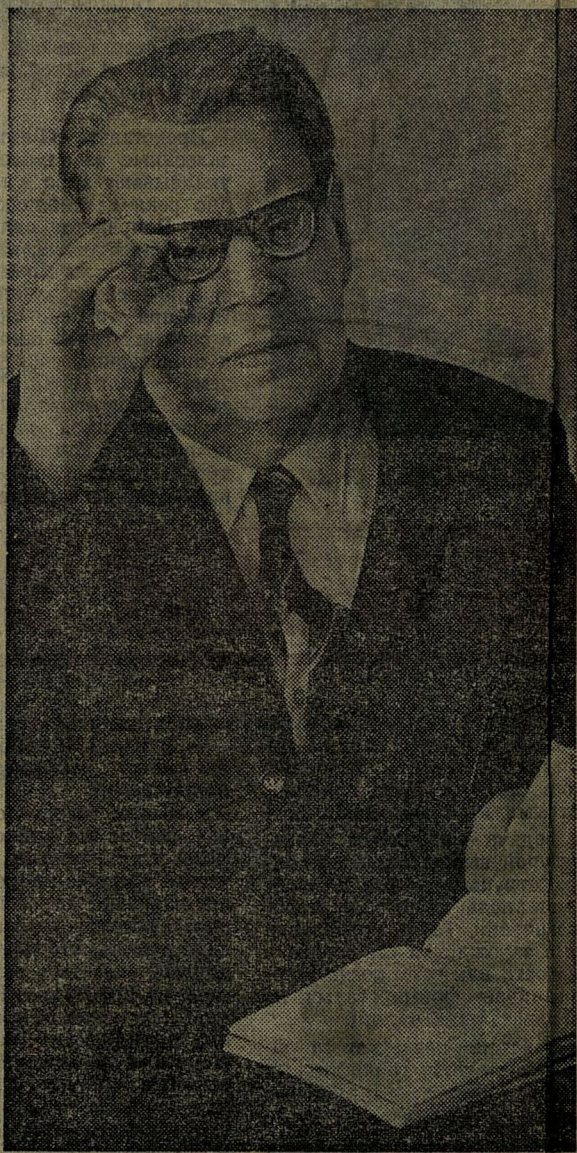
Теперь уже новые поколения поют Ваши песни и, как мы когда-то, быть может, не всегда полностью оценивают их. А Ваша поэзия смотрит на них добрыми, честными, омытыми слезами счастья и горю глазами и, как могучее дерево, подставляет свои ветви, чтобы читатели подымались по ним все выше и выше и зорко оглядывали мир.

И я верю, что и Ваши новые читатели тоже поймут, сколько им обязаны, и будут так же искать слова благодарности, как мы — сегодня.

Примите, дорогой Михаил Васильевич, самые лучшие пожелания от нас, Ваших читателей, в день Вашего семидесятилетия.

Андрей ТУРКОВ.

ваши
знаменитые
знакомые

ПОЭТ НАРОДНОЙ СУДЬБЫ

«Неделя»,

от имени всех

своих авторов и читателей,

сердечно поздравляет

Михаила Васильевича

Исаковского

с семидесятилетием и званием

Героя

Социалистического Труда.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ «КАТЮШИ»

МИЛЛИОННЫМИ тиражами выходят пластинки с записями «новинок». Да что там пластинки! Стоит радиостанция на одном конце земли исполнить новую песню, прошло всего несколько дней — глядишь, на другом конце кто-нибудь уже насвистывает ее. Неделя прошла, и песня облетела весь мир.

В начале сороковых годов в Болгарии телевидения не было, и радиоприемник в доме являлся предметом роскоши. И, кроме того, мир воевал. Мир насмерть воевал с фашизмом. И все же этому воюющему, дерущемуся, стонущему, гневному миру — все же ему нужно было петь.

И он пел. Пел разное. Но я беру на себя смелость утверждать, что не было в начале сороковых годов более популярной, более распространенной песни, чем «Катюша», — песни М. И. Блантера на слова М. В. Исаковского. И еще — не было эстрадной песни, которая прожила бы столь долгую жизнь, как «Катюша».

Меня больше всего поражаю факт быстрого проникновения этой песни через все границы, а потом и через фронт. Оказывается, слова «песне нет преград» — верны.

Вот, например, как впервые прозвучавшая осенью 1938 года на первом концерте Государственного джаз-оркестра в Москве «Катюша» попала в Болгарию. Впрочем, нельзя утверждать приоритет того или иного канала. Скорее всего песня «просочилась» многими путями. Но некоторые из них весьма любопытны, и проследить их стоит.

Надо сказать, что многое в этом отношении уже проделали ученики Шестой софийской школы под руководством своей учительницы русского языка Калины Каневой. Они долго «шли по следу» песни, расспрашивали, кто, где, при каких обстоятельствах услышал ее. И собрали весьма интересные данные.

«В городе Мездре я как-то попал в следственную тюрьму вместе с бежавшим из плена красноармейцем. Я не знал, какая меня ожидает судьба, но судьба русского парня была ясна. А он пел, пел «Катюшу», можно сказать, перед смертью. Разве я могу забыть эту песню?» — вспоминает Стамен Стаменов.

Анка Давидкова рассказывает: «Как-то ночью к нам домой зашли партизаны. С ними комиссар отряда и один русский, которого все звали Ванюшей (ныне уже известно, что это был Иван Фонарев, который партизанил вместе со своими болгарскими друзьями и погиб смертью героя. — В. Р.), стали напевать какую-то песню, остальные партизаны подхватили ее. Песня мне очень понравилась. Комиссар записал для меня слова, и уже на следующий день песню распевала вся наша группа РМС (РМС — коммунистическая подпольная молодежная организация. — В. Р.). Это была «Катюша».

Многие познакомились с «Катюшей» в концентрационных лагерях, где они сидели вместе с советскими военнопленными или насильственно увезенными из СССР людьми. Для многих «Катюша» была и торжественным маршем, и гимном, и прощальным приветом. П. Хырлев сообщает, что в концентрационном лагере Эникюй однажды весь лагерь запел «Катюшу», когда одного коммуниста выводили на расстрел.

Но «Катюша» проникла в Болгарию и совершенно легальным путем. 21 октября 1941 года во время битвы под Москвой самая крупная правительственная болгарская газета «Зора» вдруг опубликовала... полный текст «Катюши» на русском языке!

Как это могло произойти? Корреспондент газеты в Берлине, некто Станишев, прислал корреспонденцию под претенциозным заголовком «Душа советского человека». В ней он писал: «Вот она, новая советская песня, которую я услышал от одного немецкого фронтовика, приехавшего на побывку в Берлин». Дальше фашистский журналист расписался о «судьбе русского народа», звал к «русской душе», к «душе русской женщины», которая якобы не понимает смысла происходящих событий, и в конечном счете высказывал свое огорчение в связи с тем, что, «как видно из песни», обманутая большевиками бедная русская девушка ждет «советского бойца, который гибнет под красными знаменами, а не сдастся».

Документ, характерный во многих отношениях. Вскоре появилась и нотная запись «Катюши». В 1943 году в популярном руководстве для игры на аккордеоне оказалась «Катюша». Автор сборника предложил текст и ноты. Естественно, фашистский цензор усомнился в правомерности подобной публикации. Но по чистой случайности красный карандаш прошел только по тексту. Автор сборника не преминул воспользоваться этой оплошностью, изъять из набора текст, а ноты оставил. Остался и заголовок «Катюша», музыка Блантера. Так в начале сороковых годов в Болгарии учились играть на аккордеоне «Катюшу».

Многое можно рассказать об истории этой песни в Болгарии. С ней связано немало любопытных эпизодов, иногда драматических, иногда смешных. Рассказывают, например, анекдотический случай, когда в тылу у немцев две группы разведчиков — советских и болгарских — установили контакт при помощи «Катюши».

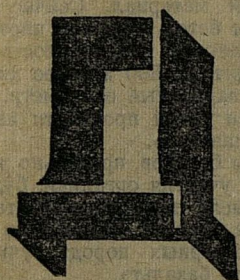
Но я должен кончить этот затянувшийся рассказ. И кончу следующим: об истории одной песни, о распространении в Болгарии «Катюши» можно написать книгу в добрую сотню страниц.

Венцел РАЙЧЕВ.

Фото Г. Дубинского.

МОСКВА, М. В. ИСАКОВСКОМУ

ваши
знаменитые
знакомые

ОРОГОЙ
Михаил Васильевич!

Д я вряд ли принялся бы за это письмо, если бы не подумал, что в таком же положении находятся многие Ваши читатели. И они, как я, незнакомы с Вами лично, но сколько раз их сердца благодарно отзывались на Ваши стихи! И почти каждому Ваше имя или просто песня, кажущаяся подчас чуть ли не безымянной, родившейся сама собой, как вздох груди народной, приводит на память множество воспоминаний.

У одних они связаны с собственной деревенской юностью, с бурной порой огромных перемен, совершавшихся на сельских просторах России. Как бы от имени этих многочисленных читателей говорит не так давно вышедшая книжка Александра Твардовского, посвященная Вашему творчеству, и я не стану повторять того, что там сказано.

Для других же, например для моего поколения, Вы открылись по-настоящему в военную пору.

Ну, конечно же, и мы поддавались лукавому очарованию «Любушки» и «Катюши», были среди тех, кто заставлял певцов повторять на бис песни про гармонь — золотые планки и про «два загадочных письма», посланных робким влюбленным.

Но вот лето сорок первого года. Кто из нас уже в солдатской шинели, кто роет противотанковые рвы на Вашей родной Смоленщине, у Десны, все еще не веря, что война перемахнет через эти преграды и, как нож, глубоко войдет в тело нашей страны, залет кровью и обуглит те самые деревни, по которым мы проходим, распевая: «Дан приказ: ему — на запад, ей — в другую сторону...»

И, право, еще мало кто из нас понимает тогда суровую прямоту этого напутствия:

... Я желаю всей душой —
Если смерти, то мгновенной,
Если раны — небольшой.

Мало кто понимает, что это уже поется не о комсомольцах гражданской войны, а о нас самих.

И вот летом и осенью 1943 года мы возвращаемся почти по тем же дорогам. Позади не только сотни километров и вражьи окопы. Позади и горечь утрат, и гордость первых побед.

А Ваши стихи и песни не только по-прежнему идут вместе с нами по раскисшим от дождей смоленским дорогам, но сделались бесконечно дороже, понятнее, ближе.

Сколько раз мы их слушали и пели сами...

С берез — неслышен, невесом —
Слетает желтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.
Вздыхают, жалуясь, басы,
И, словно в забытых,
Сидят и слушают бойцы —
Товарищи мои.

Я не знаю, что драгоценнее в этих стихах.

Может, то, что «каждый слушал и молчал о чем-то дорогом».

Это благоговейное, целомудренное молчание, нежелание помянуть все драгоценнейшие имена — как оно правдиво и близко духу народа!

А может, горькая удаль солдатской шутки:

А коль придется в землю лечь,
Так это ж только раз.

Я помню, как эту песню пели раненые в Камышинском госпитале, когда по улицам мела уже мирная, теплая тополиная метель.

Война кончилась, но никак не хотела уходить из людской памяти.

Да что — из памяти! Она тащилась по пятам за возвращающимися домой, подстерегала их у развалин, пепелищ и могил тех, о встрече с которыми так мечталось.

И низкий-низкий поклон Вам, Михаил Васильевич, за то, что Вы дали израненным душам откровенно и бурно выплакаться на груди у своей песни!

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бургорок.

Теперь уже новые поколения поют Ваши песни и, как мы когда-то, быть может, не всегда полностью оценивают их. А Ваша поэзия смотрит на них добрыми, честными, омытыми слезами счастья и горя глазами и, как могучее дерево, подставляет свои ветви, чтобы читатели подымались по ним все выше и выше и зорко оглядывали мир.

И я верю, что и Ваши новые читатели тоже поймут, скольким ей обязаны, и будут так же искать слова благодарности, как мы — сегодня.

Примите, дорогой Михаил Васильевич, самые лучшие пожелания от нас, Ваших читателей, в день Вашего семидесятилетия.

Андрей ТУРКОВ.

ПОЭТ НАРОДНОЙ СУДЬБЫ

«Неделя»,

от имени всех

своих авторов и читателей,

сердечно поздравляет

Михаила Васильевича

Исаковского

с семидесятилетием и званием

Героя

Социалистического Труда.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ «КАТЮШИ»

М ИЛЛИОННЫМИ тиражами выходят пластинки с записями «новинок». Да что там пластинки! Стоит радиостанция на одном конце земли исполнить новую песню, прошло всего несколько дней — глядишь, на другом конце кто-нибудь уже насвистывает ее. Неделя прошла, и песня облетела весь мир.

В начале сороковых годов в Болгарии телевидения не было, и радиоприемник в доме являлся предметом роскоши. И, кроме того, мир воевал. Мир насмерть воевал с фашизмом. И все же этому воюющему, дерущемуся, стонущему, гневному миру — все же ему нужно было петь.

И он пел. Пел разное. Но я беру на себя смелость утверждать, что не было в начале сороковых годов более популярной, более распространенной песни, чем «Катюша», — песни М. И. Блантера на слова М. В. Исаковского. И еще — не было эстрадной песни, которая прожила бы столь долгую жизнь, как «Катюша».

Меня больше всего поражал факт быстрого проникновения этой песни через все границы, а потом и через фронт. Оказывается, слова «песне нет преград» — верны.

Вот, например, как впервые прозвучавшая осенью 1938 года на первом концерте Государственного джаз-оркестра в Москве «Катюша» попала в Болгарию. Впрочем, нельзя утверждать приоритет того или иного канала. Скорее всего песня «просочилась» многими путями. Но некоторые из них весьма любопытны, и проследить их стоит.

Надо сказать, что многое в этом отношении уже проделали ученики Шестой софийской школы под руководством своей учительницы русского языка Калины Каневой. Они долго «шли по следу» песни, расспрашивали, кто, где, при каких обстоятельствах услышал ее. И собрали весьма интересные данные.

«В городе Мездре я как-то попал в следственную тюрьму вместе с бежавшим из плена красноармейцем. Я не знал, какая меня ожидает судьба, но судьба русского парня была ясна. А он пел, пел «Катюшу», можно сказать, перед смертью. Разве я могу забыть эту песню?» — вспоминает Стамен Стаменов.

Анка Давидкова рассказывает: «Как-то ночью к нам домой зашли партизаны. С ними комиссар отряда и один русский, которого все звали Ванюшей (ныне уже известно, что это был Иван Фонарев, который партизанил вместе со своими болгарскими друзьями и погиб смертью героя. — В. Р.), стали напевать какую-то песню, остальные партизаны подхватили ее. Песня мне очень понравилась. Комиссар записал для меня слова, и уже на следующий день песню распевала вся наша группа РМС (РМС — коммунистическая подпольная молодежная организация. — В. Р.). Это была «Катюша».

Многие познакомились с «Катюшей» в концентрационных лагерях, где они сидели вместе с советскими военнопленными или насильственно увезенными из СССР людьми. Для многих «Катюша» была и торжественным маршем, и гимном, и прощальным приветом. П. Хырлев сообщает, что в концентрационном лагере Эниккой однажды весь лагерь запел «Катюшу», когда одного коммуниста выводили на расстрел.

Но «Катюша» проникла в Болгарию и совершенно легальным путем. 21 октября 1941 года во время битвы под Москвой самая крупная правительственная болгарская газета «Зора» вдруг опубликовала... полный текст «Катюши» на русском языке!

Как это могло произойти? Корреспондент газеты в Берлине, некто Станишев, прислал корреспонденцию под претенциозным заголовком «Душа советского человека». В ней он писал: «Вот она, новая советская песня, которую я услышал от одного немецкого фронтовика, приехавшего на побывку в Берлин». Дальше фашистский журналист расписался о «судьбе русского народа», взывал к «русской душе», к «душе русской женщины», которая якобы не понимает смысла происходящих событий, и в конечном счете высказывал свое огорчение в связи с тем, что, «как видно из песни», обманутая большевиками бедная русская девушка ждет «советского бойца, который гибнет под красными знаменами, а не сдастся».

Документ, характерный во многих отношениях.

Вскоре появилась и нотная запись «Катюши». В 1943 году в популярном руководстве для игры на аккордеоне оказалась «Катюша». Автор сборника предложил текст и ноты. Естественно, фашистский цензор усомнился в правомерности подобной публикации. Но по чистой случайности красный карандаш прошел только по тексту. Автор сборника не преминул воспользоваться этой оплошностью, изъять из набора текст, а ноты оставил. Остался и заголовок «Катюша», музыка Блантера. Так в начале сороковых годов в Болгарии учились играть на аккордеоне «Катюшу».

Многое можно рассказать об истории этой песни в Болгарии. С ней связано немало любопытных эпизодов, иногда драматических, иногда смешных. Рассказывают, например, анекдотический случай, когда в тылу у немцев две группы разведчиков — советских и болгарских — установили контакт при помощи «Катюши».

Но я должен кончить этот затянувшийся рассказ. И кончу следующим: об истории одной песни, о распространении в Болгарии «Катюши» можно написать книгу в добрую сотню страниц.

Венцел РАЙЧЕВ.

Фото Г. Дубинского.